

Призывая князя оценить по достоинству его ум, Заточник и себя, видимо, мыслил таким «добрым думцею». Порожденная исторической действительностью такая идеология нашла опору в «притчах», собранных по «многим книгам» и смело поставленных рядом с «мирскими притчами», т. е. народными изречениями, пословицами, и даже с искусством скоморохов. Органическая связь с учительной литературой, откуда автор брал не только «сладость словесную», т. е. стилистику, но и «разум» — мировоззрение, не стала препятствием к тому, что «в своей образной системе», по справедливому заключению Д. С. Лихачева, «Слово» «больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII вв., опирается на явления русского быта».⁵⁵ Ведь и переводная учительная литература в своей человековедческой части постоянно прибегает к бытовым образам, чтобы сделать свои размышления и наставления наглядными и убедительными для читателя.

Раскрыв внутренний мир Заточника, от лица которого ведется рассказ, автор попутно в его же уста влагает характеристики «помыслов» и поведения лицемерных друзей (они «очима бо плачутся со мною, а сердцем смеют ми ся», они отвернулись, «зانه не поставих пред ними трапезы многоразличных брашен», «при напасти» они становятся врагами — «Слово» Даниила Заточника, стр. 9), человека в печали («всяк бо человек хитрить и мудрить о чюжей беде, а о своей не может смыслити ... в печали обретает человек ум свръшен ... печалну бо мужу засышють кости» — «Слово» Даниила Заточника, стр. 13), «мудрых» и «безумных людей», «злых жен», «богатых и убогих» и т. д. Интерес к внутреннему миру всех окружающих Заточника людей притягивает и здесь в его изложение фразеологию человековедческих эпизодов учительной литературы. Так возник этот «своеобразный по жанру, замечательный и едва ли не самый загадочный и спорный памятник древнерусской литературы», как его определяет последнее из посвященных ему исследований.⁵⁶

* * *

Когда по образцу переводных «поучений» и «слов» стали создаваться русские произведения соответствующего жанра, они, среди других тем, непосредственно касавшихся религиозного воспитания читателей, продолжили и разработку вопросов личной и общественной морали, анализировали «нрав» и «помыслы» людей, отраженные в их поведении.

К самонаблюдению звал свою паству Серапион Владимирский в годы тяжкого ига: «... внидите в помыслы ваша, узрите сердечныма очима дела ваша».⁵⁷ С особой силой звал проповедник своих современников остерегаться «обид» по отношению к ближним, преодолевать в себе жадность.

Серапион Владимирский именно «несытство» стремящихся к богатству считает особенно тяжким грехом: «... акы зверье жадают насытитися плод, тако и мы жадаем и не престанем, абы всех погубити, а горкое то именови и кровавое к собе пограбити. Зверье едше насыщаються, мы же насытитися не можем: того добывше, другаго желаем» (Петухов, Приложение, стр. 9).

⁵⁵ Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 109.

⁵⁶ Н. Н. Воронин. Даниил Заточник. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 54.

⁵⁷ Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение, стр. 5. (Далее: Петухов, Приложение).